

Отставка М. Богданова в контексте общей повестки внешней политики РФ

Комментарий Центра АРВАК, 12.07.2025

Аннотация

Центр АРВАК анализирует отставку заместителя министра ИД РФ и спецпредставителя президента по Ближнему Востоку и странам Африки Михаила Богданова 9 июля 2025 года. Несмотря на официальную версию о «личном характере», внезапность и отсутствие подготовленной замены указывают на политическую подоплеку решения. В комментарии утверждается, что отставка Богданова является следствием комплексного провала российской дипломатии на «южном стратегическом направлении», включая потерю влияния в Ливии, Египте, Сирии, снижение роли в палестинско-израильском урегулировании и кризис в отношениях с Арменией и Азербайджаном. Подчеркивается, что прежние успехи РФ в регионе были обусловлены преимущественно военной силой, а не эффективностью дипломатии, которая растратила накопленные активы из-за «слабого прогнозирования рисков» и «дефицита жесткости», а также применения устаревшего принципа «демонстративной равноудаленности». В заключение ставится вопрос: является ли отставка Богданова лишь символическим наказанием «единственного виновного» или же она станет началом фундаментальной реорганизации всего МИД РФ, включая его методологию и руководящий состав.

Ключевые слова: *Отставка Богданова, МИД РФ, российская дипломатия, внешняя политика России, Ближний Восток, Африка, Южный Кавказ, российско-армянские отношения, российско-азербайджанские отношения, Нагорный Карабах, принципы российской дипломатии, стратегические просчеты РФ, реорганизация МИД России.*

1. Анализ кадрового решения и его контекст

9 июля 2025 года президент Российской Федерации Владимир Путин подписал два указа, один из которых освободил Михаила Богданова от должности заместителя министра иностранных дел, а второй – от обязанностей специального представителя российского лидера по Ближнему Востоку и странам Африки. Сразу после этого решения источники в МИД РФ заявили, что М. Богданов подал прошение об отставке «по собственному желанию», «исключительно исходя из причин личного характера».

Однако, по данным российских СМИ, этот нарратив вызывает вопросы, поскольку в январе 2025 г. В. Путин продлил срок государственной службы М. Богданова до 2 марта 2026 года. Это существенный индикатор: маловероятно, что высокопоставленный дипломат, курирующий столь значимое направление в администрации президента и МИД РФ, был бы освобожден от двух должностей всего за 8 месяцев до окончания срока службы без серьезных на то оснований. Также обращает на себя внимание отсутствие заранее подготовленной замены на момент отставки М. Богданова и рассмотрение нескольких кандидатур в Кремле и министерстве ИД РФ. Данные технические детали указывают на то, что отставка М. Богданова имеет скорее политический, а не «личный» характер.

2. Оценка ситуации на «южном стратегическом направлении» РФ

Помимо кадровых нюансов, необходимо обратить внимание на текущую ситуацию в тех областях внешнеполитического и дипломатического фронта, за которые отвечал теперь уже бывший заместитель министра ИД. И данную ситуацию трудно назвать благоприятной для РФ.

Если на Африканском континенте Россия добилась определенных успехов, выразившихся в установлении политического, экономического и военного присутствия в регионе Сахель параллельно с ослаблением там французского влияния, то в странах Магриба и на Ближнем Востоке для Москвы в целом сложилась крайне неблагоприятная обстановка. РФ фактически лишилась остаточного влияния в Ливии и Египте, утратила традиционную роль одного из модераторов палестино-израильского конфликта, потеряла Сирию как надежного стратегического партнера, завела в тупик взаимоотношения с Турцией и вопреки подписанному договору о «стратегическом партнерстве», поддерживает состояние неопределенности на иранском направлении своей политики.

Список можно продолжить, однако, по всей видимости, главной неудачей курируемого М. Богдановым «южного» внешнеполитического фронта стал кризис российско-азербайджанских и российско-армянских взаимоотношений. Очевидно эта данность стала последней каплей, переполнившей терпение Кремля. Можно предположить, что указ В. Путина был неслучайно подписан накануне встречи Никола Пашиняна и Ильхама Алиева в Абу-Даби. Эта встреча наглядно продемонстрировала, что Москва полностью выведена за рамки армяно-азербайджанского урегулирования, и что вопрос т. н. «Зангезурского коридора», интегрируемого в «Срединный путь» в обход РФ и претворяющего в жизнь пантуранистские амбиции Анкары, решается без учета национальных интересов России.

3. Причины деградации российского влияния на Ближнем Востоке

Едва ли будет преувеличением охарактеризовать ближневосточную политику Москвы как «*комплексный провал*», тем более, когда об этом открыто говорят и сами российские эксперты. Российская аналитическая мысль фиксирует утрату Москвой контроля над глобальными процессами, которые перестраивают баланс безопасности и интересов в обширном и проблемном макрорегионе от Средиземноморья до Афганистана. По мнению указанных экспертов, еще в начале 2020-х годов официальная Москва пребывала в абсолютной уверенности, что именно «*южное направление*» следует считать наиболее надежной зоной стратегической безопасности РФ на континенте, абсолютно прогнозируемой и контролируемой. Это, среди прочих обстоятельств, способствовало решению Кремля сфокусироваться и действовать более решительно на украинском и, в широком смысле, европейском направлении.

Однако такая уверенность во многом проистекала не из успешных действий российской дипломатии в указанной обширной геополитической зоне, а прежде всего

благодаря продуктивным действиям российских ВС, которые после распада СССР вновь обозначили свое присутствие в регионе. Военная кампания по спасению и укреплению режима Б. Асада, поддержка оружием и подразделениями российских ЧВК ливийской коалиции под руководством Халифы Хафтара, основание средиземноморской базы ВМФ РФ в сирийском Тартусе, ввод Российского миротворческого контингента (РМК) в Нагорный Карабах – все эти действия стали серьезной заявкой Москвы на качественно новое возвращение в лигу главных мировых и региональных акторов. Параллельно активизировались российские энергетические компании и предприятия ВПК, обозначив перспективу создания стратегических связей с РФ с такими весомыми региональными игроками, как Турция и Иран. Достаточно вспомнить проект «*Турецкого газового потока*», строительство АЭС «*Аккую*» в рамках турецко-российского энергетического сотрудничества, контракты по усилению оборонного потенциала Анкары новейшими российскими техническими разработками в области ПВО, соглашение о поставках Тегерану современных российских истребителей, программы по расширению транскаспийской торговой логистики по оси «Север–Юг» и т. д. Таким образом, несмотря на стремление коллективного Запада ограничить рост влияния России на регион, Москва последовательно «пробивала» себе путь на Ближний Восток и в Африку, комбинируя военную силу, экономические интересы и финансовый капитал.

Российская дипломатия, естественно, была призвана обслуживать эту стратегическую повестку, координировать многоплановую работу, закреплять успехи и высматривать новые горизонты для российского влияния на «*южном стратегическом направлении*». И, возможно, ей это удавалось на этапе первого «*броска*», однако время показало, что накопленные активы были девальвированы так же быстро, как и были приобретены.

Снижение российского влияния в регионе, предположительно, совпало с переориентацией основной силовой активности Москвы на западное направление. В этот период ответственность за консолидацию достигнутых успехов в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке перешла к «*Смоленской площади*» – МИД РФ. Несмотря на наличие значительных преимуществ, внешнеполитическое ведомство страны не смогло обеспечить надлежащее стратегическое прикрытие на южном фланге в условиях эскалации конфликта на Украине. Последующие события показали, что, даже принимая во внимание объективные сложности, вызванные усилением активности западных держав на Ближнем Востоке, российская дипломатия продемонстрировала неэффективность, стремительно утратив наработанные активы и не сумев трансформировать их в устойчивый геополитический ресурс.

4. Методологические ошибки и их последствия

По оценкам независимых российских экспертов, прежде всего это произошло по причине слабого прогнозирования рисков и дефицита жесткости в работе дипкорпуса. К примеру, такие откровенно враждебные и провокационные действия, как уничтожение российского самолета на турецко-сирийской границе с последующим

расстрелом летчика О. Пешкова в ноябре 2015 года, а спустя год – убийство российского посла А. Карлова в Анкаре, стали как следствием непонимания «Смоленской площадью» стратегии турецкого военно-политического истеблишмента во взаимоотношениях с Россией, так и стимулом к дальнейшему, и, по сути, беспрепятственному давлению Анкары на Москву в Сирийском и Карабахском вопросах.

В качестве другого фундаментального недостатка российской дипломатии указывается изживший себя в новой геополитической реальности принцип «демонстративной равноудаленности» от сторон конфликта в условиях, когда одной из сторон данного конфликта является союзник или стратегический партнер РФ. Примером этому служит «комплементарная политика» Москвы в отношении Ирана и Израиля, противоречащая обязательствам и декларативной заинтересованности Москвы в стабильности и укреплении позиций Исламской Республики Иран в регионе. И это обстоятельство также можно назвать в ряду причин, побудивших Тель-Авив уверенно прибегнуть к военной кампании против Тегерана, которая, в свою очередь, сильно ударила по перспективам политико-экономического, энергетического и военно-оборонительного сотрудничества между РФ и ИРИ.

Другим доказательством провала подобного политико-дипломатического подхода может послужить армяно-азербайджанская повестка, в отношении которой Москва также избрала принцип «равноудаленности», несмотря на наличие стратегических союзнических отношений с Ереваном как в двустороннем формате, так и в рамках политико-оборонного альянса ОДКБ. Существует ошибочное мнение, главным образом сгенерированное именно «Смоленской площадью», о том, что политика сближения с Баку была взята на вооружение Москвой после прихода к власти в Армении весной 2018 г. политических сил, ориентированных на Запад. Между тем, тесное экономическое сотрудничество и взаимодействие в оборонной сфере между РФ и АзР начались задолго до этого, а нарративы о необходимости укрепления политического взаимодействия с Баку в ущерб интересам Еревана были заложены в подписанную В. Путиным 30 ноября 2016 г. новую «Концепцию внешней политики РФ». Согласно этому документу, отношения РФ с АзР были фактически приравнены к «армянскому кейсу». Естественно, авторство этой концепции принадлежало МИД РФ, и прямым результатом ее претворения в жизнь стали оккупация Нагорно-Карабахской Республики, фактическая переориентация Еревана на Запад и наблюдаемое на данный момент крайнее напряжение в российско-азербайджанских отношениях, знаменующее собой окончательную утрату Москвой стратегических позиций на Южном Кавказе.

5. Заключение:

Перспективы реорганизации МИД РФ

Центр «АРВАК» не претендует на детальный анализ причин и следствий комплексной неудачи России на Ближнем Востоке в рамках данного комментария, а лишь фиксирует наличие подобной проблемы, а также очевидные признаки

озабоченности Кремля сложившейся ситуацией. Снятие с должности М. Богданова, на наш взгляд, может свидетельствовать о запоздалом осознании и признании администрацией В. Путина стратегических просчетов на «южном направлении», которые долгие годы в силу объективных и/или субъективных причин оставались вне должного внимания Кремля.

Однако главный вопрос сейчас заключается в том, довольствуется ли Кремль освобождением от должности только лишь М. Богданова? Если да, то это станет очередным свидетельством распространенной в российских властных кругах практики увязки проблемы исключительно с одним лицом или группой лиц, но не с выстроенной системой в целом. Или, все же, В. Путин, по примеру Д. Трампа, прибегнет к фундаментальной реорганизации внешнеполитического инструментария страны, включая МИД, методологию его работы, стратегические концепции и руководящий состав? Ведь очевидно, что провалы подобного масштаба, не только нанешие ущерб стратегическим интересам РФ на Ближнем Востоке, но и создающие угрозу безопасности непосредственно у ее южных границ, не могли быть результатом халатности и безответственности одного чиновника, курировавшего указанный регион в качестве замминистра и, по совместительству, являвшегося спецпредставителем президента РФ. Речь, скорее всего, идет о системной проблеме всего внешнеполитического ведомства, возглавляемого Сергеем Лавровым, ошибочные действия (либо бездействие) которого привели к кризису российского влияния и контроля процессов в стратегически важных для России регионах.

Особое внимание привлекает сообщение российских СМИ о намерении Кремля отказаться от давней практики совмещения должностей заместителя министра иностранных дел по Ближнему Востоку и спецпредставителя президента по тому же региону. Это может указывать на то, что В. Путин, возможно, больше не будет полагаться исключительно на доклады МИД для оценки ситуации в этом критически важном для России геополитическом регионе. Вместо этого он, по-видимому, намерен делегировать особо важные поручения дипломатам из собственной администрации, минуя номенклатуру МИД. Это серьезный сигнал, и в ближайшее время станет ясно, насколько Кремль осознает назревшую необходимость реорганизации высшего аппарата «Смоленской площади» и существует ли подобное осознание вообще.